

ПАТРИОТИЗМ И МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7

EDN: NZMUJG

Россия в современном мире: потенциал мягкой силы

Ссылка для цитирования: Андреев А. Л., Андреев И. А. Россия в современном мире: потенциал мягкой силы // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 98–114. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7; EDN: NZMUJG.

For citation: Andreev A. L., Andreev I. A. Russia in the modern world: the potential of soft power. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 98–114. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7; EDN: NZMUJG.

SPIN-код: 5466-1444

Андреев Андрей Леонидович^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

Sympathy_06@mail.ru

SPIN-код: 7934-3652

Андреев Иван Андреевич^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

v-andreev_07@mail.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена комплексной характеристике концептуальных, институциональных и технологических аспектов российской стратегии наращивания и использования так называемой мягкой силы. Авторы исходят из того, что будущее России как мировой державы существенным образом зависит от ее способности генерировать и наращивать импульсы мягкой силы (a soft power). В статье описана динамика процесса реформирования потенциала мягкой силы России, начиная с момента крушения СССР в 1991 г. и до сегодняшнего дня. Авторы указывают, что ныне существующее государство Российская Федерация, будучи государством – продолжателем СССР унаследовало основные компоненты мягкой силы последнего, в том числе его авторитет в сфере науки и культуры, статус одного из основателей ООН, разветвленную сеть связей в интеллектуальных и политических элитах различных стран т. д. Однако изменения, которые произошли в стране в 1990-е гг., существенно повлияли на образ России в восприятии населения других стран, равно как и самих россиян. В статье показано, что, вопреки положениям и выводам, вытекающим из разработанной американским политическим теоре-

тиком Дж. Наем концепции мягкой силы, проводившаяся в 1990-е гг. политика сближения с «цивилизованным миром», не привела к росту влияния России, но имела скорее обратный эффект. Фактически это влияние снизилось до исторического минимума. И лишь с начала 2000-х гг., параллельно укреплению политических основ российской государственности, ситуация стала меняться к лучшему, начался процесс восстановления тех факторов «мягкого» влияния, которые могла использовать Россия. В статье представлен развернутый обзор основных составляющих этого процесса, на основе эмпирических данных дается характеристика соотношения позитивных и негативных мнений о России в различных странах и на разных континентах. Также авторами даются рекомендации по совершенствованию стратегии формирования и использования мягкой силы современной России. В частности, в этой связи авторы статьи обращают внимание на ключевое значение всесторонней проработки образов будущего и концептуальных основ теории социально-исторического развития, соответствующей многоплановым вызовам XXI века.

Ключевые слова: мягкая сила, институциональная инфраструктура мягкой силы, технологии влияния, образ России

Разворачивающийся буквально на наших глазах процесс переформатирования системы международных отношений основан на прогрессирующем изменении баланса сил между основными геополитическими субъектами. Разумеется, это касается в первую очередь экономики, технологического уровня и военных возможностей государств. Однако немалую роль играет и психология – в том числе те эффекты ментального притяжения, которые в политической науке получили название мягкой силы. С этой точки зрения, значительный (а для россиян и особый) интерес представляет динамика развития мягкой силы России как государства-цивилизации, одного из полюсов формирующегося многополярного мира.

Преодоление кризиса 1990-х гг. и регенерация мягкой силы России

Российская Федерация, ставшая государством-продолжателем СССР унаследовала и большинство компонентов его мягкой силы, в том числе культурные богатства мирового значения, статус великой державы, высокий авторитет в науке, культуре, образовании и спорте, ауру великой истории, многочисленные туристические достопримечательности, многообразные и многоплановые международные связи. В то же время демонтаж советской системы и переход власти к политикам, готовым обменять национальные интересы на туманную перспективу «возвращения в цивилизованный мир» дополнительно создали новой России и ее лидерам немалую популярность на Западе. На первый взгляд, это должно было способствовать наращиванию ее «мягкой» силы. Но на самом деле все получилось ровно наоборот. Это очень наглядно иллюстрируют стенограммы телефонных переговоров между Б. Н. Ельциным и Б. Клинтоном. Российский президент настойчиво упраскивал своего американского визави отказаться

от расширения НАТО, не планировать учения морских сил НАТО вблизи баз Черноморского флота, создать условия для роста американских инвестиций в Россию и др. Белый дом отвечал на это расплывчатыми отговорками. За исключением, впрочем, вопроса о приеме в НАТО новых стран. Рассыпавшись в комплиментах молодой российской демократии, американский президент отказался учитывать просьбы российской стороны, смягчив отказ лишь неясным обещанием построить «новую НАТО» [20]. На этом примере видно, что в 1990-е гг. способность России использовать мягкую силу как инструмент влияния на своих партнеров практически сошла на нет. Лишь после 2000 г., с восстановлением политической роли федерального центра и урегулированием его отношений с субъектами федерации, по мере преодоления наиболее тяжелых последствий шоковых реформ, а также укрепления армии и флота, можно говорить о начале процесса *регенерации ее мягкой силы*, причем именно мягкой силы великой державы.

Унаследованная от СССР институциональная инфраструктура мягкой силы развивалась за счет возникновения новых институциональных элементов, предназначенных как для разработки и трансляции российского видения настоящего и будущего человечества, так и для формирования позитивных образов самой России. Среди них назовем, в частности, Фонд «Русский мир» (2003), Валдайский клуб (2004), Фонд изучения исторической перспективы (2004), телеканал RT (2005), Институт русского зарубежья (2005), Фонд стратегической культуры (2005), Институт демократии и сотрудничества (с отделениями в Париже и Нью-Йорке, 2007), Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова (2010) и др. В 2008 г. была произведена институциональная перегруппировка государственных структур, ответственных за международное гуманитарное сотрудничество, в результате которой было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом.

Мягкая сила в российских политических практиках

Тем не менее само словосочетание «мягкая сила» в российском политическом дискурсе долгое время не употреблялось. Впервые оно появилось в статье «Россия и меняющийся мир», в которой В. В. Путин изложил свое политическое кредо накануне президентских выборов 2012 г. [14]. И надо отметить, что взгляд на мягкую силу, изложенный в данной статье, отличался принципиальной новизной и существенно расходился с трактовками как американских и европейских, так и китайских политических экспертов, теоретиков и аналитиков.

Основная методологическая идея данной статьи состоит в том, что феномен мягкой силы по существу состоит из двух разных «сил»: во-первых, это то, что В. В. Путин назвал «цивилизованным лоббизмом», а во-вторых — манипулирование сознанием, чаще всего — с неблагоприятными целями, включая злонамеренное вмешательство в дела других стран. При таком подходе

понятие мягкой силы становится более широким по сравнению с первоначальной его трактовкой в работах американского политического теоретика Дж. Ная, т. к. теперь в оно включало в себя не только платоническую «притягательность», но и разного рода подрывные действия, которые ведутся без применения оружия. Такая постановка вопроса, в отличие от умозрительных спекуляций Дж. Ная, учитывала реальную политическую практику и опыт реализации стратегии мягкой силы России в условиях развертывавшейся на Западе кампании русофобии, вылившейся в конечном счете в санкционный режим, а затем и в так называемую «культуру отмены». Опираясь на такую постановку вопроса, мы предложили бы добавить к базовому определению мягкой силы как некой *неотразимой привлекательности* [11, с. 18] еще один признак: это *преодоление сопротивления*. По логике вещей, фактор воздействия заслуживает быть квалифицированным как *сила* только тогда, когда она нейтрализует или перевешивает другую силу – обычно противоположно направленную.

Мягкая сила России в ее проекциях на геополитическое пространство

Надо сказать, что даже в условиях развернутой атлантистскими финансово-политическими элитами разнузданной русофобской кампании, вплоть до начала СВО Россия неизменно входила в списки наиболее рейтинговых обладателей мягкой силы, составлявшихся западными же аналитическими центрами. В то же время данные международных социологических исследований говорят о том, что соотношение положительных и отрицательных оценок России распределены между странами весьма неравномерно, так что воображаемая карта точек эффективного воздействия ее мягкой силы дала бы очень дробную, мозаичную картину.

Если судить по данным таких авторитетных аналитических центров, как Pew International или BBC World Service Poll, баланс пророссийских и антироссийских настроений наиболее благоприятен в Азии (кроме Японии, имеющей к нам территориальные претензии). Отметим, что уровень симпатий к России как таковой коррелирует и с позитивным восприятием российского влияния в мире. В целом ряде стран Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия, Таиланд) положительные мнения о России фиксировались социологами в 1,5 – 2 раза чаще, чем отрицательные. В особенности это касается двух азиатских гигантов – КНР и Индии. В этих странах доля респондентов, симпатизирующих России, поднималась выше 70%. Разница состоит только в том, что в Индии на том же уровне распространены и проамериканские настроения, тогда как китайцы проявляют такие настроения в 2 раза реже, чем пророссийские. Как следствие, обе крупнейшие азиатские страны сочли для себя невозможным участвовать в раздуваемой Западом антироссийской истерии. Довольно позитивно воспринимается Россия в исламских странах. В Южной Америке, если не считать Кубу, Венесуэлу, Никарагуа, баланс симпатий и антипатий к России меняется

на отрицательный. Тем не менее пророссийские настроения достаточно широко распространены и здесь, составляя в крупнейших странах региона (Мексика, Бразилия, Аргентина и ряд др.) до 30% граждан); но надо сказать, что роль России как центра глобального влияния в большинстве стран Латинской Америки оценивается так же настороженно, как и роль США, хотя повышение глобального политического веса КНР и Евросоюза активного неприятия в большинстве стран Латинской Америки не вызывает [3, с. 178–179].

В последнее время очень активно наращивалось почти было утраченное влияние России в Африке. Многие африканские правительства стали отдавать России предпочтение перед бывшими колониальными патронами в вопросах безопасности, продовольственного обеспечения, борьбы с терроризмом и др. В частности, одним из значимых шагов в рамках российской стратегии «мягкой» силы влияния на «черном континенте» стало проведение представительных саммитов «Россия – Африка» (Сочи, 2019; С.-Петербург, 2023). Эффективность использования мягкой силы в отношениях со странами «черного континента» во многом обусловлена тем, что Россия не ставит им каких-то предварительных условий в плане соответствия «демократическим стандартам», а готова сотрудничать с ними, не сопровождая сотрудничество постоянными публичными нравоучениями [19]. И это дает свои результаты: так, из 39 государств, не голосовавших за осуждающую Россию резолюцию XI чрезвычайной специальной Генассамблеи ООН, почти 50% составили именно африканские.

Нет необходимости лишний раз повторять, что главным режиссером развернутой в последнее время кампании демонизации России является «атлантическая» фракция американского и британского истеблишмента, настраивающая на эту волну и население своих стран, и весь так называемый «коллективный Запад». Мотивация этой фракции понятна: она понимает, что возвышение России и ее сближение с Китаем несовместимы с безраздельной американской гегемонией. И надо сказать, что нагнетание антироссийских настроений им удается. Как показали опросы, проводившиеся авторитетным Pew Research Centre, в начале 2000-х гг. не более 15–20% американцев считали, что Россия представляет собой угрозу для США, к концу 2010-х гг. такие настроения проявляли уже трое американцев из пяти, а после начала СВО на Украине – не менее 85%¹.

Почти такая же обстановка складывается в последнее время и в Европе.

В то же время эмпирическая социология свидетельствует, что европейские страны в плане отношения к России сильно дифференцированы [3, с. 181]. Самый высокий уровень русофобии наблюдается в Нидерландах, Польше и странах Прибалтики. Даже шаги, которые одно время предпринимала Россия с целью смягчения напряженности, здесь нередко расцениваются как угроза, лишь добавляющая темных красок в образ

¹ Reinhart R. J. U.S. Public sees Russia – Ukraine Conflict as Critical Threat. URL: <https://news.gallup.com/poll/390140/public-sees-russia-ukraine-conflict-critical-threat.aspx> (дата обращения: 07.03.2022).

«агрессивной империи» [13]. В некоторых случаях это логично объяснить «фантомными болями», напоминающими о собственных не сбывшихся имперских проектах. Но такое объяснение работает не всегда. Так, Россия никогда не была врагом Нидерландов (в отличие, скажем от Британии и Германии), однако симпатии к ней у голландцев проявляются даже реже, чем у поляков, предки которых не раз воевали с Россией и восставали против нее. В Польше, кстати, несмотря на устойчивую антироссийскую доминанту в настроениях ее политических элит, всегда были деятели, относившиеся к России по крайней мере с доброжелательным уважением. Не перечисляя всех, назову для примера хотя бы не так давно скончавшегося историка русской философии и общественной мысли Анджея Валицкого, не побоявшегося в своей последней книге «О России иначе» выступить против истерической демонизации России, против приписывания ей агрессивных намерений (и это при том, что сам он является правнуком польского повстанца 1863 г.).

В Европе симпатии к России более всего распространены в отдельных странах Восточной и Центральной Европы. Так, в Болгарии положительное отношение к России высказали около 73% респондентов, в Словакии – до 60% опрошенных¹. В Словакии в результате парламентских выборов 2023 г. премьер-министром стал Р. Фицо, который отвергает антироссийскую линию Евросоюза. Сходные позиции занимает также избранный в 2024 г. президент этой страны Петер Пеллегрини. Довольно распространены симпатии к России и среди сербов, хотя политическая линия Белграда в этом плане не является твердой и последовательной. Другой вопрос, что перечисленные страны сравнительно невелики и сильно зависимы от США и ЕС.

Что же касается стран, которые образуют политическое и экономическое ядро ЕС, то там лучше всего относятся к России итальянцы (43%). Среди итальянских политиков есть немало таких, кто является сторонником улучшения отношений с Россией. Тем не менее здесь довольно сильно побаиваются России и подозревают ее в экспансионистских и имперских замыслах. Такие настроения даже в лучшие дни заметно перевешивали симпатии к России, тогда как глобальная роль США и КНР воспринималась итальянцами относительно благожелательно.

Франция, в культурно-историческом отношении связанная с Россией еще теснее, чем Италия, отстает от нее по зафиксированному социологическими исследованиями уровню симпатий к России примерно на 10 п.п. Но здесь, как говорится, есть нюансы. Скажем, касаясь такой чувствительной для Запада темы, как государственная принадлежность Крыма, многие французские политические деятели, не выходя «за рамки дозволенного» (по критериям атлантической солидарности), по мере возможности старались смягчить антироссийскую риторику. Для этого использовалось, в частности, существующее во французском языке смысловое различие между словами *legale* и *legitime*. Подтверждая общую для западных политических

¹ Pew Research Centre. Russia and Putin receive low ratings globally. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (дата обращения: 14.11.2022).

элит точку зрения, что вступление Автономной республики Крым в состав Российской Федерации якобы незаконно – *illégal*, некоторые французские политики, тут же оговаривались, апеллируя к высшей справедливости и признавая исторические права России на обладание полуостровом [12]. Такую позицию занимал, например, бывший президент страны В. Жискард д'Эстен, который прямо заявлял, что возвращение Крыма в Россию соответствует Истории¹.

В Германии значения социологических индикаторов пророссийских симпатий очень близки к французским показателям. Однако их отличает более четкая локализация: в бывшей ГДР к России относятся значительно позитивнее, чем в западных землях страны.

Хотя общая линия брюссельской евробюрократии нацелена на то, чтобы активно блокировать процесс расширения политического влияния Москвы, в позициях различных фракций европейского политического класса в этом вопросе нет полного единства: некоторые из них ставят задачу полной изоляции, даже можно сказать, аннигиляции России («культура отмены»), некоторые же выступают за сбалансированное сочетание «сдерживания» и взаимовыгодного сотрудничества с Москвой. Само собой понятно, что этот политический «зазор» можно попытаться расширить при помощи мягкой силы, хотя такую перспективу не следует переоценивать: даже наиболее лояльные к Москве правительства вынуждены демонстрировать приверженность «европейской солидарности», а их способность воздействовать на антироссийский курс Брюсселя сводится лишь к внесению некоторых частных оговорок и поправок.

До начала 2020-х гг. Москва не оставляла попыток улучшить сформировавшийся за рубежом имидж России, используя для этого средства и способы, которые можно назвать «технологией гостеприимства». С целью повышения привлекательности нашей страны вкладывались значительные средства в развитие туристической инфраструктуры, принимались меры для снижения визовых барьеров, создавались информационные поводы для массовых заездов (такие, как проведение Олимпийских игр, чемпионатов мира и других статусных спортивных состязаний). Все это помогало формировать критическое отношение к распространяемым на Западе мифам о «русской отсталости» и «тоталитаризме».

Если оставить в стороне особый случай союзной Белоруссии, то российский потенциал мягкой силы в настоящее время наиболее полно реализуется в постсоветских государствах Центральной Азии. В отличие от стран Запада, где главным инструментом российской мягкой силы может быть только культурная дипломатия, здесь ключевое значение имеют многовековая привычка жить рядом, билингвизм, использование русского языка в межнациональном общении, связи и знакомства представителей российской и местных элит, единая образовательная традиция, общее в исторической памяти (в особенности в части борьбы многонацио-

¹ Giscard d'Estaing V. La France, l'Europe, le Monde... Entretien avec Valéry Giscard d'Estaing // Politique internationale. 2015. № 146. Hiver. URL: politiqueinternationale.com/revue/print_article.php?id=1346&id_revue=146&content=texte (дата обращения: 01.01.2020).

нального советского народа с гитлеровской Германией). Немаловажным является и то, что большинство постсоветских государств все еще находятся в российском информационном пространстве. Социологические исследования фиксируют сильное влияние российской поп-культуры, например, музыкальной. Например, анализ поисковых запросов в Интернете показал, в Казахстане даже такая восходящая звезда казахстанской вокальной сцены, как Димаш Кудайберген, значительно уступает по популярности «королям» и «королевам» российской эстрады [9]. Как показали недавние (2023) опросы, проведенные исследовательской группой Гэллапа, несмотря на то что одним из последствий проведения СВО стало снижение влияния мягкой силы во всех постсоветских странах, в Казахстане и Киргизии оно по-прежнему перевешивает влияние мягкой силы США¹ [21].

При этом постсоветское пространство, если рассматривать его как поле российского влияния, также является достаточно проблемным. В странах-членах СНГ имеются политические силы, ставящие целью оторвать их от России. Для этого широко используются технологии переформатирования идентичности народов (так, скажем, белорусов объявляют «литвинами» и т. п.), цензурирования исторической памяти и др. В основном эти политические силы представлены оппозиционными НКО, спонсируемые различными американскими, британскими, немецкими, польскими, румынскими и др. фондами, а иногда и спецслужбами. В то же время не следует заблуждаться: негласно этой деятельности симпатизирует и определенная часть местных элит. Их поддержка выливается в такие меры, как смена названий улиц и городов, установление ограничений на употребление русского языка, в том числе в образовании, перевод национальных языков с кириллицы на латиницу, выведение гуманитарных проектов из сферы совместной деятельности (например, в процессе подготовки учредительных документов ЕАЭС Казахстан высказался против включения в них положений о гуманитарном сотрудничестве [17]).

Институциональный комплекс мягкой силы

Как уже отмечалось, к настоящему времени в России сложилась весьма разветвленная инфраструктура мягкой силы, состоящая из различных дополняющих друг друга элементов: СМИ, Интернет-платформы, «мозговые центры» и экспертные сообщества, фонды, образовательные учреждения, музеи, организации культуры, спортивные федерации, ассоциации соотечественников и другие НКО [7]. В своем вертикальном срезе эта инфраструктура простирается вплоть до высших государственных органов (Президент, Федеральное собрание, занимающиеся проецированием мягкой силы специализированные ведомства и ряд др.), в горизонтальном же измерении она имеет форму глобальной сети «опорных пунктов» россий-

¹ Gallup. Empire's Twilight? Russia Loses Support in Its Own Backyard. URL: <https://news.gallup.com/poll/505793/empire-twilight-russia-loses-support-own-backyard.aspx> (дата обращения: 10.02.2024).

ской цивилизации. Так, Российские культурно-информационные центры и «Русские дома», входящие в систему Россотрудничества, имеются в более чем 80 странах мира. Важное место в системе институтов проецирования мягкой силы занимает и фонд «Русский мир». Фонд позиционирует себя как глобальный культурный проект в форме некоммерческой организации. В 2020 г. к сфере его ответственности относились 119 Русских центров и 139 кабинетов «Русского мира» в более чем 50 странах мира [8]. Упомянем также в этой связи Ассамблею народов Евразии, которая была создана в 2017 г. как международный союз неправительственных организаций. В руководство этой международной организации входят представители общественности более, чем 30 государств. Но вместе с тем Ассамблея по сути дела является одной из площадок российской общественной дипломатии (штаб-квартира организации и ее аппарат находятся в Москве) [4].

В стратегию мягкой силы России успешно интегрируется создание условий для привлечения в страну международных студентов [1], так называемый экспорт образования. Как и другие ведущие экспортеры образования, Россия активно занимается совместным учреждением высших учебных заведений. В качестве примеров назовем хотя бы Киргизско-российский славянский и Российско-таджикский славянские университеты. В последнее время это направление получило дальнейшее развитие: были подписаны соглашения об учреждении в ряде стран Центральной Азии филиалов престижных российских вузов. Только в одном Ташкенте были созданы филиалы МГУ имени М. В. Ломоносова, МГИМО, МИФИ, МФТИ, МЭИ, Университета нефти и газа им. И.М. Губкина, РХТУ им. Д. И. Менделеева, а также ВГИКа, в Астане – филиалы МГУ и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, в Душанбе МГУ, МЭИ, НИТУ МИСиС и т. д. Перспективной формой продвижения российского образования является формирование консорциумов вузов различных стран (Сетевой университет СНГ, Российско-Киргизский консорциум технических университетов).

Среди элементов мягкой силы России нельзя не назвать имеющие давний и устойчивый репутационный рейтинг международные культурные и спортивные мероприятия. Среди них Московский международный кинофестиваль, Международный конкурс им. П. И. Чайковского, различные театральные фестивали, Петербургский экономический форум и др. Конечно же, многие из них чувствительно затронула так называемая «культура отмены» (к примеру, конкурс им. П. И. Чайковского был исключен из Всемирной федерации международных музыкальных конкурсов), но тем не менее большинство из них по-прежнему высоко котируются и среди любителей, и среди мастеров искусства. К примеру, в конкурсе, проводившемся в рамках 42-го Международного студенческого фестиваля ВГИК (2022), принимали участие киноленты из целого ряда так называемых недружественных России стран, включая Австралию и Канаду. Все это дает основания утверждать, что институты проецирования мягкой силы России продолжают функционировать. Таким образом, русофобски настроенным

западным политикам не удалось полностью перекрыть каналы гастрольной деятельности российских художественных коллективов, в том числе и в самих странах Запада.

Новым звеном институциональной инфраструктуры российской мягкой силы стало Международное движение русофилов, учредительный съезд которого состоялся в Москве 14 марта 2023 г. Благодаря этому, впервые в политической практике возникла оргструктура, ставящая своей задачей консолидацию пророссийских активистов из разных стран и координирующая их деятельность в международном масштабе. На учредительном съезде движения в Москве было представлено 42 страны мира, а спустя год, число стран, в которых есть представители движения, возросло до 77 [10].

За последние 15 – 20 лет значительно укрепились и в институциональном, и в техническом, и в творческом отношении медийная компонента мягкой силы России, которую образует целый конгломерат телеканалов, интернет-порталов и сервисов, информагентств, студий по производству аудиовизуальной продукции, осуществляющих свою деятельность не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. Нет необходимости доказывать, что российские медиа по своему масштабу и уровню все еще уступают американским, но вполне сравнимы со СМИ других крупных стран, имеющих влияние на формирование глобальной повестки дня. Мы полагаем, что в этой связи надо особо подчеркнуть важную роль медиа-группы «Россия сегодня». По замыслу ее создателей и руководителей она должна была стать своего рода «русским BBC», транслирующим всему миру российский взгляд на вещи и события. При этом учитывалась потребность международной аудитории в доступе к альтернативным западному «мейнстриму» точкам зрения и источникам информации. Практика показала, что этот расчет был верным. Так, к 2018 г. входящий в медиагруппу «Россия сегодня» телеканал RT обошел по числу просмотров своего сайта на YouTube таких медиагигантов, как BBC, CNN или Euronews [15]. В некоторых странах, в том числе и западных, RT даже вошел в группу наиболее популярных телеканалов. На Западе это сочли угрозой, и потому уже в 2015–2016 гг. против российского канала были задействованы стали самые грубые методы – а именно, на его деятельность вводились различные ограничения и прямые запреты. Однако RT (а также радио «Спутник») по-прежнему успешно действует в странах, не относящихся к коллективному Западу и даже продолжает расширять сферу своего охвата: к примеру, в ноябре 2022 г. началось вещание RT-Сербия.

Технологический аспект мягкой силы

Технологический арсенал российской стратегии мягкой силы очень разнообразен. Некоторые из входящих в него технологий использовались еще в советское время (например, так называемая «технология гостеприимства», организация массовых зрелищ и праздников), но значительная их часть наработана уже в современных условиях. Кроме того, отдельные

способы и приемы деятельности взяты из зарубежного опыта и затем усовершенствованы с учетом наших возможностей и потребностей. Так, RT широко использовал информационные форматы, апробированные зарубежными медиакорпорациями под зарубежного же зрителя и слушателя. Перенос технологий осуществлялся в том числе благодаря приглашению именитых иностранных журналистов и телеведущих, которые, понятно, и в RT продолжали придерживаться привычных для них стилей работы.

В настоящее время, когда Россию активно пытаются отсечь от мирового культурно-информационного пространства, ключевое значение для эффективного проецирования российской мягкой силы приобретают технологии, которые условно можно называть *технологиями вовлечения*. Это прежде всего вовлечение в пространство русскоязычного культурного мира. Приемы и методы достижения данной цели весьма разнообразны, а их состав все время обновляется. В последнее время возникло много новых, не использовавшихся ранее форм работы – «Тотальные диктанты» по русскому языку, соответствующим образом ориентированные конкурсы («Всемирный Пушкин», «Слово за нами», «Мой Русский мир», евразийские конкурсы моды), этнофестивали и творческие форумы, многообразные коллективные акции, тематические ярмарки, международные арт-проекты и т. д. Продуктивным стал опыт проведения перекрестных годов культуры, а также годов взаимных посещений со странами АТР (с КНР, Индонезией, Республикой Корея) [5]. Упомянем также технологии мотивации через символические идентификации (например: присвоение звания «Профессор Русского мира», зачисление в студенты Русского мира и т. п.), которые можно было бы назвать *технологиями приобщения*.

Перспективы наращивания потенциала мягкой силы

Таким образом, в плане инфраструктуры и технологий, а также в плане креативности, мягкая сила России вполне конкурентоспособна, и стратегия применения мягкой силы имеет неплохую перспективу. Стратегически задачи применения мягкой силы с целью усиления влияния России как на международные дела, так и на глобальные тенденции социально-исторического развития сформулированы в таких основополагающих политических документах, как «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей»¹ и «Концепция внешней политики Российской Федерации»². Но, понятно, что еще предстоит большая работа над тем, чтобы реализовать российский потенциал такого влияния эффективнее, чем это получалось до настоящего времени. И, разумеется, понять причины, снижающие эту эффективность, и по возможности устранить по крайней мере те из них, на которые мы можем воздействовать.

¹ Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 9.11.2022 № 809.

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229.

Политические аналитики подходят к этой задаче по-разному. Мы, со своей стороны, хотели бы предостеречь от порой встречающейся в российской литературе зауженной трактовки мягкой силы, характерной чертой которой является ее чисто *инструментальное* понимание [6]. Что же, бесспорно, инструментальная сторона (скажем, административные переформатирования институциональной инфраструктуры мягкой силы, создание в ней новых элементов и звеньев, целевое финансирование тех или иных проектов и т. п.) имеет немалое значение. Но феномен мягкой силы нельзя свести лишь к набору инструментов – это в первую очередь *система смыслов*, и вне ее все средства *ментального* воздействия (а мягкая сила использует именно ментальные воздействия), просто-напросто лишаются всякой функциональности.

И в этой связи позволим себе высказать мысль, что в перспективе дальнейшего наращивания потенциала мягкой силы России в настоящее время на первый план выходит именно не столько инструментальная или институциональная, сколько *содержательная* ее сторона. Мы имеем в виду смысловую матрицу, лежащую в основе образа России, те «месседжи», которые она посылает мировому сообществу. Мы полагаем, что на сегодняшний день они в полной мере артикулированы только в некоторых важных выступлениях Президента В. В. Путина, в частности, в его февральском (2024) интервью Такеру Карлсону. Но выступления высших государственных деятелей по вполне понятным причинам ограничены по времени, поэтому многих важных вопросов они касаются очень лапидарно, без детальной разработки. Кроме того, такие выступления воспринимаются как прямое выражение определенной политической позиции, в то время как во многих случаях «подачу» ценностей и концептов в информационное поле не следует прямо связывать с политикой. Иногда надо говорить с различными аудиториями как бы с позиций «неангажированной истины», отстранившись от политических реалий и открытой борьбы за интересы. Это задача не действующих политиков, а интеллектуалов, работающих в разных сферах социальных и гуманитарных наук и выступающих в своеобразной роли «хозяев понятий». Но именно здесь, по нашему мнению, открывается слабое звено российского потенциала мягкой силы. И связано это с тем, что в позднесоветский период общественные науки развивались, по сути дела, с постоянной оглядкой на западные образцы. Часто живая исследовательская работа подменялась комментированием этих образцов (выдаваемым, разумеется, за их критику). Вследствие этого российская социальная мысль уже длительное время страдает своего рода «синдромом вторичности», о чем откровенно заговорили в ходе общественных дискуссий лишь в самое последнее время, фактически уже после начала СВО. Осознание проблемы к нам постепенно приходит, однако нельзя сказать, что оно уже в полной мере состоялось.

В качестве иллюстрации этого сошлемся лишь на один конкретный эмпирический факт – данные, полученные в ходе проводившегося в 2017–2019 гг. совместного российско-белорусского исследования. Как показал проведенный опрос, в сознании студенчества двух наших стран

образ России ассоциируется, главным образом, с понятием «сила». А вот, к примеру, имидж КНР ассоциируется с гораздо более широким спектром привлекательных характеристик: это и «эффективность», и «динамизм», и «интеллект» и т. п. [2]. Спрашивается: как же так получается, что достижения российской науки, инженерных школ, образования и культуры «не зафиксировались» в сознании юношества и слабо связаны в их восприятии с понятием «Россия»? И если такой образ России сложился в голове молодых россиян и близких нам белорусов, то можно ли ожидать других реакций, допустим, от американцев, итальянцев или шведов?

Анализируя причины такого восприятия нашей страны, мы пришли к выводу, что России хронически не хватало и все еще не хватает убедительного *нарратива успеха*. Наверно, если бы мы говорили о мягкой силе безотносительно к той роли одного из центров многополярного мира, в которой Россия видит себя в будущем, на теме «нарратива успеха» можно было бы остановиться. Но для державы, претендующей на то, чтобы участвовать в формировании повестки дня современного мира, просто «успеха» мало. Здесь нужна мягкая сила проектного типа, в «месседже» которой вычитывается хотя бы относительно ясный образ будущего. В свое время образ будущего был у Советского Союза, и это давало ему возможность участвовать в «глобальной игре». Отказавшись от советского проекта, Россия довольно долго не могла предложить миру ничего принципиально нового, и по сути дела «плелась в хвосте» западной идеологии. Не проявляя способности определять повестку дня, вести за собой, она не могла вызвать и реакцию эмпатии – ведь копия всегда выглядит более тусклой, чем оригинал. Лишь в самом конце «нулевых» такое положение вещей стало постепенно меняться. По мере того, как социально-исторический процесс начинал проявлять нелинейный характер, а становление новых центров силы создавало эффект вариативности, сформировалась потребность в проработке исторических альтернатив либеральному мейнстриму Запада. В частности, продвигаемая им идеология отказа от традиционных ценностей вызвала к жизни обратную реакцию в виде усиливающегося консервативного запроса. В этой новой исторической ситуации России предоставилась возможность сделать собственную заявку на то, чтобы занять созданную этой обратной реакцией идеологическую нишу. Так появилась идея, на основе которой можно придать мягкой силе России связь с определенным проектом будущего. Однако концептуальная проработка этой возможности только начинается, пока более или менее прояснилось лишь общее направление, в котором надо двигаться. Перспектива наращивания «мягкого» влияния России теперь, очевидно, будет зависеть в первую очередь от способности российских интеллектуальных и политических элит выработать и предъявить миру свои варианты развития современного мира на новых основаниях, соответствующих политическим, технологическим и экологическим вызовам XXI в.

Библиографический список

1. Андреев А. Л. Россия в глобальном образовательном пространстве // Высшее образование в России. 2009. № 12. С. 9–20. EDN: KYDZKH.
2. Андреев А. Л., Лашук И. В. Студенческая молодежь России и Белоруссии: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2(26). С. 34–45. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6408; EDN: ZCWKUH.
3. Андреев И. А. Феномен «мягкой силы»: концептуальные, институциональные и технологические аспекты. Дисс... М.: 2023. 23 с.
4. Ассамблея народов Евразии. Международный союз неправительственных организаций. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/chleny-generalnogo-soveta> (дата обращения: 17.11.2022).
5. Бобыло А. М., Севастьянов С. В. «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор // Ойкумена. 2016. № 4. С. 75–85. EDN: XHVXAF.
6. Борисов А. В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 7. № 2. С. 130–141. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141; EDN: JOTPCU.
7. Ворочков А. П. Институциональное измерение «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151). С. 80–97. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-7-80-96; EDN: KUFMDW.
8. Информационный портал фонда «Русский мир». Годовые отчеты. URL: <https://ruskiymir.ru/fund/reports.php> (дата обращения: 17.11.2022).
9. Калитько И. И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10 № 3. С. 29–36. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-29-36; EDN: HUQQUV.
10. Международное движение русофилов. Официальный сайт. URL: <https://mir2023.site/2024/02/08/ntkolaj-malinov-kolichestvo-stran-prisoedinivshih-sya-k-mezhdunarodnomu-dvizheniyu-rusofilov-za-god-vyroslo-vdvoe/> (дата обращения: 11.02.2024).
11. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006. 221 с.
12. Нарочницкая Е. А. Крымский вопрос и позиция Франции: критический дискурс французских элит // Перспективы. 2019. № 3. С. 7–24.
13. Николаева Н. А. Возможности и ограничения использования Россией «мягкой силы» в отношении стран Прибалтики. Дисс... М., 2018. 239 с.
14. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля.

15. Толоконникова А. В., Будакова Д. О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // Вестник Московского университета. Сер. 10 Журналистика. 2019. № 5. С. 89–119. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119; EDN: ACWTIY.

16. Юн С. М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник ТомГУ. История. 2017. № 50. С. 89–92. DOI: 10.17223/19988613/50/13; EDN: ZWDSZV.

17. Barluet A. L'hommage de Poutine a Jacques Chirac, le plus russo-phile des presidents // Le Figaro. 2019. 29 sept.

18. Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin // Clinton Digital Library. Accessed 21.12.2021. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/>

Получено редакцией: 23.01.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Андрей Леонидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований; профессор кафедры философии, политологии и социологии

Андреев Иван Андреевич, кандидат политических наук, старший лаборант Центра комплексных социальных исследований; ассистент кафедры истории и философии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7

Russia in the Modern World: The Potential of Soft Power

Andrey L. Andreev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Sympathy_06@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1692-573X

Ivan A. Andreev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Plekhanov Russian Academy of Economics, Moscow, Russia

v-andreev_07@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0765-3667

For citation: Andreev A. L., Andreev I. A. Russia in the modern world: the potential of soft power. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 98–114. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7; EDN: NZMUJG.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive description of the conceptual, institutional and technological aspects of the Russian strategy for building up and using so-called soft power. The authors proceed from the fact that the future of Russia as a world power depends significantly on its ability to generate and increase impulses of soft power. The article describes the dynamics of the process of reformatting Russia's soft power potential, starting from the collapse of the USSR in 1991 to the present day. The authors point out that the current state of the Russian Federation, being a successor state of the USSR, inherited the main components of the latter's soft power, including its authority in the field of science and culture, the status of one of the founders of the UN, an extensive network of connections in the intellectual and political elites of various countries etc. However, the changes that took place

in the country in the 1990s significantly influenced the image of Russia in the perception of the population of other countries, as well as the Russians themselves.

The article demonstrates that, contrary to the provisions and conclusions arising from the concept of soft power developed by the American political theorist J. Nye, the policy of rapprochement with the “civilised world” carried out in the 1990s did not lead to an increase in Russia’s influence, but rather had the opposite effect. In fact, this influence has dropped to historic lows. And only from the beginning of the 2000s, in parallel with the strengthening of the political foundations of Russian statehood, the situation began to change for the better, and the process of restoring those factors of “soft” influence that Russia could use began. The article provides a detailed overview of the main components of this process; based on empirical data, it characterises the relationship between positive and negative opinions about Russia in different countries and on different continents. The authors also provide recommendations for improving the strategy for the formation and use of soft power in modern Russia. In particular, in this regard, the authors of the article draw attention to the key importance of a comprehensive elaboration of images of the future and the conceptual foundations of the theory of socio-historical development, corresponding to the multifaceted challenges of the 21st century.

Keywords: soft power, institutional infrastructure of soft power, technologies of influence, image of Russia

References

1. Andreev A. L. Rossiya v globalnom obrazovatelnom prostranstve [Russia in the global educational space]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2009: 12: 9–20 (in Russ.). EDN: KYDZKH.
2. Andreev A. L., Lashuk I. V. Student youth of Russia and Belarus: pictures of the world, value systems, strategies for self-realization. Part 2. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, 2019: 7: 2(26): 34–45 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6408; EDN: ZCWKUH.
3. Andreev I. A. The phenomenon of “soft power”: conceptual, institutional and technological aspects. Diss... Moscow, 2023: 23 (in Russ.).
4. Eurasian Peoples’ Assembly. International Union of Non-Governmental Organizations. Accessed 17.11.2022. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/chleny-generalnogo-soveta> (in Russ.).
5. Bobylo A. M., Sevastyanov S. V. “Soft power” of Russia: Asia-Pacific vector. *Oikumena*, 2016: 4: 75–85 (in Russ.). EDN: XHVXAF.
6. Borisov A. V. “Soft power”: the specifics of domestic understanding. *International relations and world politics*, 2020: 7: 2: 130–141 (in Russ.). DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141; EDN: JOTPCU.
7. Vorochkov A. P. Institutional dimension of “soft power”: methods of analysis and Russian experience. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2021: 7 (151): 80–97 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2021-7-80-96; EDN: KUFMDW.
8. Information portal of the Russkiy Mir Foundation. Annual reports. Accessed 11.17.2022. URL: <https://russskiymir.ru/fund/reports.php> (in Russ.).
9. Kalitko I. I. Russian pop music as a factor of Russia’s “soft power” in the post-Soviet space (on the example of Belarus and Kazakhstan). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2020: 10: 3: 29–36 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-29-36; EDN: HUQQUV.
10. International movement of Russophiles. Official site. Accessed 02.11.2024. URL: <https://mir2023.site/2024/02/08/ntkolaj-malinov-kolichestvo-stran-prisoedinivshihsya-k-mezhdunarodnomu-dvizheniyu-rusofilov-za-god-vyroslo-vdvoe/> (in Russ.).
11. Nye J. Flexible power. How to succeed in world politics. Novosibirsk, FSPI “Trendy”, 2006: 221 (in Russ.).
12. Narochitskaya E. A. The Crimean issue and the position of France: critical discourse of the French elites. *Perspektivy*, 2019: 3: 7–24 (in Russ.).
13. Nikolaeva N. A. Vozmozhnosti i ogranicheniya ispol'zovaniya Rossiej «myagkoj sily» v otnoshenii stran Pribaltiki [Possibilities and limitations of Russia’s use of “soft power” in relation to the Baltic countries]. Diss... Moscow, 2018: 239 (in Russ.).
14. Putin V. V. Rossiya i menyayushhijsya mir [Russia and the changing world]. *Moskovskie novosti* [Moscow News]. 2012: February 27 (in Russ.).
15. Tolokonnikova A. V., Budakova D. O. The role of the RT television channel in the formation of the international image of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10 Zhurnalistsika*, 2019: 5: 89–119 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119; EDN: ACWTIY.

16. Yun S. M. Education as a sphere of cooperation within the framework of the Eurasian Economic Union: problems and prospects. *Vestnik TomGU. Istoriya*, 2017: 50: 89–92 (in Russ.). DOI: 10.17223/19988613/50/13; EDN: ZWDSZV.
17. Cuordifede C. Quand la Russie lorgne les vieux “près carrés” de la France. *Marianne*, 2020: 21 oct.
18. Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin. *Clinton Digital Library*. Accessed 21.12.2021. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/>

The article was submitted on: January 23, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey L. Andreev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Complex Social Studies; Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology

Ivan A. Andreev, Candidate of Political Sciences, Senior Laboratory Assistant of the Center for Complex Social Studies; Assistant of the Department of History and Philosophy